

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

ГОД ИЗДАНИЯ
VIII

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

В о п р о с. № 5: «Чем объяснить усиление влияния и расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.?»

Ответ на этот вопрос несколько шире самого вопроса; отчасти он будет давать некоторый материал и для ответа на ряд других вопросов, предложенных журналом «Вопросы языкознания».

Прежде всего об одном чрезвычайно важном для развития русской литературы и русского литературного языка явлении, до сих пор не обращавшем на себя внимания литературоведов и языковедов. Явление это я условно предлагаю назвать литературным этикетом. Феодализм времени своего возникновения и расцвета с его крайне сложной лестницей отношений вассалитета—сюзеренитета создал чрезвычайно развитую обрядность — церковную и светскую. Взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету; традиции; обычаю, церемонии, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере подчиняли себе мировоззрение и мышление человека.

Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство.

В живописи иконописные подлинники предписывают изображение каждого святого в строго определенных положениях со всеми присущими этому святому атрибутами; то же касалось и изображения событий из жизни святых или событий священной истории. Этикет может быть вскрыт в строительном и в прикладном искусстве, в одежде и в науке, в отношении к природе и в политической жизни. Это была одна из форм идеологического принуждения.

Если мы обратимся к литературе и к литературному языку эпохи раннего и развитого феодализма, то и тут обнаружим ту же склонность к этикету. Литературный этикет — наиболее типичная средневековая условная связь содержания с формой. Поясню. В. О. Ключевский подобрал довольно много формул, якобы присущих житийному жанру. А. С. Орлов сделал то же самое для жанра воинской повести. Но ни первый, ни второй не обратили внимания на то обстоятельство, что и житийные, и воинские формулы постоянно встречаются и вне житий, и вне воинских повестей, например в летописи, в хронографе, в исторических повестях, даже в ораторских произведениях и посланиях. Не жанр произведения определяет собой выбор выражений, а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул. Раз речь заходит о святом — житийные формулы обязательны, они подбираются в зависимости от того, что говорится о святом, о каком роде событий повествует автор. Так же обязательны воинские формулы, когда рассказывается о военных событиях. Есть формулы, применяемые к выступлению в поход своего князя; другие применяются в отношении врага; есть формулы, определяющие различные моменты битвы, победу, поражение, возвращение в свой город и т. д. Вот почему воинские формулы могут встречаться в житии, житийные формулы — в воинской повести, те и другие в летописи или поучении. Легко убедиться в этом, пересмотрев любую летопись — Ипатьевскую, Лаврентьевскую, одну из новгородских и др. Один и тот же летописец по нескольку раз меняет манеру своего изложения, стиль, язык в зависимости от того, пишет ли он о сражении князя или о его смерти; передает ли содержание его договора или рассказывает о его женитьбе.

Дело, однако, не только в «формулах», но и в языке, на котором пишет писатель. Легко заметить различия в языке одного и того же писателя: философствуя и размышляя о бренности человеческого существования, он прибегает к церковнославянизмам, рассказывая о бытовых делах — к народнорусизмам. Литературный язык отнюдь не един. В этом нетрудно убедиться, перечитав «Поучение» Мономаха. Язык этого произведения «трехслоен» — в нем есть и церковнославянская стихия, и деловая, и народнопоэтическая (последняя, впрочем, в меньших размерах, чем первые две). Если бы мы судили об авторстве этого произведения только по стилю, то могло бы случиться, что мы приписали бы его трем авторам. Но дело в том, что каждая манера, каждый из стилей литературного языка и даже каждый из языков (ибо Мономах пишет и по-церковнославянски, и по-русски) употреблен им, со средневековой точки зрения, вполне уместно — в зависимости от того, касается ли Мономах церковных сюжетов (в широком смысле), своих походов или душевного состояния своей молодой снохи. Церковнославянский язык неотделим от церковного содержания, русский — от национальнорусского, народнопоэтическая речь — от народнопоэтических сюжетов, а деловая речь — от деловых. Этот средневековый этикет в употреблении соответствующего языка или стиля языка наблюдался не только на Руси. Он еще значительнее в средневековых литературах многих других стран.

Житийные, воинские и прочие формулы, этикетные саморекомендации авторов, этикетные формулы интродукции героев, приличествующие случаю молитвы, речи, размышления и т. д. повторяются из произведения в произведение. Все введено в известные рубрики, все классифицирова-

но, все сопоставлено с известными случаями из священной истории, снабжено соответствующими цитатами и т. д. Средневековый писатель очень часто выступает как педантичный церемониймейстер, ищущий прецедентов в прошлом, озабоченный образцами, формулами, аналогиями; подбирающий цитаты, подчиняющий события, поступки, думы, чувства и речи действующих лиц и свой собственный язык заранее установленному «чину». При этом связь литературного этикета и этикета феодального двора или церковной обрядности может быть установлена в ряде случаев.

С образованием Русского централизованного государства литературный этикет становится необыкновенно пышным. Возьмем, например, воинские формулы «Казанской истории», «Летописца начала царствования», «Степенной книги» или «Повести о взятии Пскова Стефаном Баторием». Они значительно пространнее и вычурнее, чем в Ипатьевской летописи. Авторы не довольствуются их краткой устойчивой формой. Они вводят различного рода «распространения», стремятся к соединению пышности с наглядностью и т. д. В результате теряется устойчивость этих формул. Явления литературного этикета стремятся к увеличению, к возрастанию и одновременно от состояния организации и дифференциации переходят в состояние смешения и слияния с окружающими формами. Устойчивый и компактный вначале, этикет становится затем пышным, по распылчатый и медленно растворяется впоследствии в новых литературных явлениях XVI и XVII вв. И это отнюдь не вследствие «внутренних законов» развития литературы и литературного языка. Происходит крушение этикетности вообще, связанное с изменениями существа порождающего ее феодализма. С образованием централизованного государства пышность этикета возрастает, но он перестает быть жизненно необходимой для феодализма формой идеологического принуждения: в централизованном государстве формы принуждения достаточно разнообразны и надежны. В сфере церковной литературный этикет нужнее и здесь он сохраняется, хотя Аввакум и устраивает против него настоящий бунт, впрочем больше похожий на самосожжение, ибо литературный эффект этого бунта против этикета мог существовать только до той поры, пока продолжал еще существовать и сам литературный этикет.

Итак, деловая речь входила в литературу в XI—XV вв. под строгим контролем литературного этикета. В XVI в. этот контроль слабеет, а в XVII в. появляются даже его яростные разрушители, использующие нарушения этикета как литературный прием. Это создало главное условие для экспансии деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.

Надо принять во внимание и изменения, которые стала претерпевать с XVI в. жанровая система литературы. Обычно различного рода «теории литературы» со свойственным им пренебрежением к истории литературы рассматривают явление жанра как нечто неизменное по своей природе. Это неверно. Природа литературных жанров русского средневековья иная, чем в литературе нового времени. В частности, они связаны с внелитературным их употреблением: различные виды житий (минеиные, проложные и пр.) имеют различные функции в церковной практике, летописи — в правовой и дипломатической, различные виды посланий — в церковной и дипломатической и т. д. Каждый жанр и каждый вид жанра имел свою сферу внелитературного употребления, имел практические функции. В этом одно из отличий средневековых жанров от жанров нового времени — чисто литературных. Кризис этой системы наступает также в XVI в. Отметим своеобразие этого кризиса: жанры литературы пополняются новыми жанрами, создающимися на основе жанров деловой письменности, приобретающими чисто литературные функции. В XVI в. появляется жанр чисто литературных челобитных (Пересветов), посланий (Грозный), летопись приобретает все более и более литературный характер, теряя свои «деловые» функции. В начале XVII в. в виде чисто лите-

ратурных произведений начинают фигурировать статейные списки (статейные списки как чисто литературное явление долгое время считали «подложными» — Сугорского, Ищенина и др.), дипломатические послания («подложная» переписка Грозного с турецким султаном) и пр. Ясно, что переход в литературу ряда деловых жанров (вернее, образование новых литературных жанров на основе деловой письменности) также приводил к расширению функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.

Еще одна причина расширения функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв. заключалась в появлении новых своеобразных центров литературного творчества — московских приказов. Рядом исследований последних лет выяснена огромная роль в литературе Посольского приказа; давно уже указано на литературные функции Записного приказа, Сибирского и некоторых других. К московским приказам имели отношение многие из повестей о Смуте, «Новый летописец», повести о посольствах Сугорского и Ищенина, «Переписка» Грозного с турецким султаном, Азовские повести, «История» Федора Грибоедова, титулярники и др. Естественно, что деловая речь хлынула в литературу, тем более что ограничительные рога этикета распались, а жанровая система литературы расширилась за счет новых жанров, созданных на основе форм деловой письменности.

В целом в XVI и XVII вв. происходит постепенная секуляризация литературы, она захватывает не только содержание литературы, но и форму. Отступление церковности вызывало потребность в срочном возмещении, и это возмещение шло от той формы письменности, которая с самого начала не была охвачена церковностью.

Было бы весьма соблазнительно связывать расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв. с усложнением и развитием системы управления Русского централизованного государства в XVI—XVII вв. и соответствующим развитием деловой речи вообще. Но здесь следует проявить осторожность: ведь чрезвычайное развитие науки и научного языка в XX в. не привело к сколько-нибудь заметному влиянию научного языка в стилистике литературы XX в.

Д. С. Лихачев (Ленинград)